

Ольга Седакова

Триптих из баллады,
концом к баллады.

1. ПРОЛОГ.

Памяти М.Хинского

Вс тайных слез, из их кончики тайной
рек будто шар нам винули хрустальный -
и человек в одежде поминальной
несет последнюю свечу.
И с тверью мелкоскрымой и печальной
духа слетается к луцу.

- Ты думаешь, на этом повороте
я весь - разорванная связь?
я в руку взял

то, что внутри вы ехете,
и вот несу, от света хороинь.

И я не высокий поклонья.
не четверговую свечу.
но малый свет усилия и внимания
несу туда, где быть хочу.

Промой же взгляд, любовь воспаленный,-
и ты увидашь то, что я:
водой прекраснейшей, до щиколоток влюбленной
полна лесная колд.

Гляди же: за последние свободу,
через последние листву,
по просеке, по потайному ходу,
раздвинутому веществу

ведут меня. -

И, сколько сих хватило,
так этот свет еще горит,
и новых чувств таинственную силу
он называет и благодарит.

КАНЦОНА - ФАНТАЗИЯ НА ТЕМУ:
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА.

1.

Иди, канцона, как тебе велят.
Как в старину, когда еще умели,
одним поступком достигая цели,
ступить - и лечь.

И лечь к купели у Свечных врат,
к родному бесноватому народу,
чтоб ангела, смущающего воду,
уже упавшим сердцем подстеречь.

И если вирльям нам зрученна свобода -
студай туда, где нечего беречь.

Ище часто снится этот паг и путь,
как веер, какую в детстве кто-нибудь
нам показал и вымел. И она
не названа, но кровью быть должна,
и с ней жить, и с ней держать ответ.
И путь смущенья и уничтоженья,
который, может быть, и и пройду,
но ты пройди, канцона. Если ж нет
в тебе терпенья - нет и нам прощенья.

И мы лепечем, как дитя в бреду.
И променяли хлеб на лебеду.

II.

Да, как дитя, когда сно горят
в хару предновогодней скрипачини,
и будущего узкие картины
летят, как полоумный серпантин,
и в нем старуха: шаркает, свистит,
внимательней, чем Гауф нас пугает,
глядит в котел и корень разгребает
и говорит при том: один, один... -

Одни ты, дух мой. Друг мой, прикинает
все варево для горьких именин.

Ты нечто иной стонь, как над котлом
с клубами бронхов, золотым стеклом
и кожей лягушечьей внутри
и говоришь: вставай или умри.

Но лучше встань: узнаешь по пути,
что станет из рассыпанного звона
и для чего он гибели искал.

Украдкой, раздвигая конфетти,
пойдем домой. Иди, мой канцона.

Как кажется больному, что он встал,
и вот идет, хотя кругом — кристалл.

III.

Идет, идет. Реней, болиголов,
трехлетняя креценская крапива... —
таким, как мы, такие, справедливо,
знакомые откроются луга
в сердце блаженство. Из таких следов
по птичьи пьет обогнанное наими-
и человеческими голосами,
изнувшись, делается. И тогда:

— Ты видишь, хлеб твой ест тебя, как пламя.
Как мы, ты на зернище никуда.

Ты будешь с ивами в спрятанном лесу.
Мы те, кого сморгнули, как слезу.
И наша смерть понравится тебе,
как старый ларчик в дорогой резьбе. —
По флагеллюнт, когда последний кнут
он истрахал — последними глазами
он мысленный замок бы за плечом.
Так ты, мой канцона, встань. И тут
дорога будет выбрана зрачками,

и выпрямится островерхий дом.
И кто нам говорил, что мы умрем?

17.

И блудный сын проснулся у крыльца,
где лежал вчера, не зная, как признаться,
что он еще не умер. Демоны
теснятся в сердце в окнах, на крыльце!
Но кто, как сердце, около отца
к нему выходит? — и перед собором
он падает, как зеркало хрустальное,
и трогает морщину на лице:

— Не я ли жил, не я ли был зодом
и сам себя отобразил в конце... —

и плакает, и гладит колыбель.
И кажется, и движется купалья:
— Где бы ты был ты — ты был, как луч в луче,
в горячем плаче на моем плече.
Так вотень и слушай, и скажи за иной:
Да, верю я, и знаю, и владею,
как кровь живая, замкнутым путем
горячей тьмы, где, плача над собой,
звук: Я предварю вас в Галилее! —

мы, как скелеты последние, идем. —
Как оренье, сделанное веществом.

У.

Броцкий, канцона. Гордому уму
не попадайся, чтоб не различили
худых одежд, начесанных волос.

А друга встретишь — поклонись ему,
как Бог судил, как люди научили,
как сердце разломилось и срослось.
И поклонись, и выпрямись без слез.

Б. БАЛЛАДА ПРОДОЛЖЕНИЯ.

И путник усталый на Бога роптал...

Пушкин.

В пустынных степях аравийской земли...

Лермонтов.

Он шел из Вифании в Иерусалим...

Пастернак

И странно, и холодно стало в лесу.

Куда он замолк? и зачем из лесу
судьбу его держат, короткую воду
в стакане безумном, в стекле из природы,
из слабости: вдруг раскатиться, как ртуть. —
И шел он, и слезы боялся смахнуть. —

В некогда было: еще за сольху —
и вырастет ветер, как город вверху,
и дрогнет душа от собачьего лая.
И слабая жизнь, у стола засыпая,
бренча в угольках, зевая в трубе,
спать, как к ребенку, нянчится к тебе.

Но прежде проснется кто в доме уснух,
услышит, что голосом сделался гул,
и в окна посмотрит, и встретит у входа
с лицом, говорящим: И ум и свобода.
И все, чего нет у тебя впереди.
Но хлеба не халко, и ты заходи. —

И долго, пока он еще исчезал,
и знал, что ушел, и стакан расплескал,
как этого просил старик, перекошенный
худым долголетьем, как хочет влюбленный
его расплескать, оставилъ вдвоем —
а он не просил и не помнил о том. —

Но долго, пока он еще исчезал
и кино него этот сброд проползали,
который и взгляда людского стыдится,
и в душах, и в нюрах, и в щелях плюдится —
а здесь проползали, не стыдясь его глаз,
как будто он не был и не был у нас. —

Так долго, пока он еще исчезал,
твярдил он: Ты все, чего я не узнал.
Ты ум и свобода, ты полное зрение.
И — слишком ставшее кровоточенье...

И тут раздалось, обрывая его:
— И ум и свобода, но ты — торжество.

oooooooo